

Рикарда ВУЛЬПИУС

**ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И
УКРАИНСКИЙ ПЕРЕВОД БИБЛИИ (1860-1906)***

Как правило, язык считается первым и естественным отличительным признаком этничности в практике и восприятии современного национализма. Язык играет роль важнейшего связующего звена, особенно в случае этносов, которые – в отличие от так называемых гражданско-политических наций – обосновывают свое единство при недостатке собственных государственных структур через культурную общность.¹ Поэтому считается, что эмансипация недоминантных этносов должна протекать, как минимум на начальной стадии, на уровне языка.² Задер-

* Перевод с немецкого Э. Каплуновской.

¹ Другие критерии, такие, как общее происхождение и религия, с приходом модерна уступают место фактору языка. См.: W. Safran. Nationalism // J. A. Fishman. Handbook of Language and Ethnic Identity. New York, 1999. Pp. 77-93, особенно P. 91. Несколько иного мнения придерживается Харальд Хаарманн, который в принципе не относит язык к ключевым элементам этнической идентичности: H. Naarmann. Language in Ethnicity. A View of Basic Ecological Relations. Berlin, 1986. Релятивизирующий подход см. также в S. Tornow. Zum Verhältnis Nation und Nationalsprache in Osteuropa // Zeitschrift für Slavistik. 2002. Bd. 47. H. 2. S. 172-180.

² Социолог Уильям А. Стюарт выделяет четыре критерия успеха такой эмансипации: 1) степень стандартизации языка; 2) дистанцированность от родственных языков; 3) “историчность” языка и 4) жизнестойкость языка, то есть количество

жка языковой эмансипации непосредственно влияет на задержку этнической эмансипации. Эту взаимосвязь осознали как русские и “русофилы”, так и “украинофилы” в Днепровской Украине и в имперской столице.³ Период с середины XIX и до начала XX в. был временем, когда решался вопрос: удастся ли украинофильским деятелям превратить украинский в самостоятельный литературный язык, или же их русские и русофильские оппоненты смогут помешать этому процессу. Дебаты развернулись ни больше, ни меньше как вокруг вопроса о том, удастся ли осуществить или предотвратить проект создания большой русской нации.⁴

Как показывают примеры других этносов, находившихся в сходных условиях, этот процесс мог развиваться в нескольких направлениях: если французам удалось добиться того, что бретонский и прованский не поднялись до уровня языков, конкурирующих с француз-

его “пользователей” и использование языка во всех социальных и культурных контекстах: W. A. Stewart. A Sociolinguistic Typology for Describing National Multilingualism // J. Fishman (Ed.). *Readings in the Sociology of Language*. New York, 1968. Pp. 531-545. Роланд Сассекс дополняет список критериев Стюарта еще одним важным пунктом, указывая, что необходимо наличие достаточного количества акторов, которые идентифицируют себя с определенным языком и готовы отстаивать его вопреки противодействию: R. Sussex. *Lingua Nostra. The Nineteenth-Century Slavonic Language Revivals* // R. Sussex, J. C. Eade (Eds.). *Culture and Nationalism in Nineteenth-Century Eastern Europe*. Columbus, 1985. Pp. 111-127, здесь P. 121 и след.

³ Заимствованный из источников термин “русофил” обозначает в этой статье тех, кто среди русскоязычного и украиноязычного населения выступал против любой формы украинской идентичности – региональной или национальной. Исторический термин “украинофил” здесь обозначает тех, кто придерживался ярко выраженной региональной *или* исключительно национальной украинской идентичности. Ввиду ограниченности общественной сферы до 1917 года возникают источники проблемы, когда практически невозможно последовательное разграничение приверженцев эксклюзивно украинской и двойной идентичности (региональной “малороссийской” и национальной общерусской, или имперской российской). Подробнее об этой проблематике см.: R. Vulpius. *Nationalisierung der Religion. Russifizierungspolitik und ukrainische Nationsbildung, 1860-1920* // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 2005. Bd. 64 (в печати).

⁴ Концепция “большой русской нации” содержала претензию русских на объединение под их руководством “великорусов” с двумя другими восточнославянскими этносами – белорусами и малороссами в единую “русскую”, или “общерусскую”, нацию. Более подробно об этом проекте см.: А. Миллер. “Украинский вопрос” в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000, особенно С. 31-45.

ким, а англичане сумели подчинить уэльский (валлийский) и шотландский английскому языку, русским в течение длительного времени так и не удалось предотвратить развитие литературного украинского языка, конкурирующего с русским. В историографии выделяются два подхода в оценке причин сложившейся ситуации. Согласно первому, стратегия управления российского государства была недостаточно репрессивной и последовательной, и/или оно не сумело совместить репрессивную политику со стратегиями позитивного стимулирования.⁵ Согласно второму подходу, украинское, или украинофильское, общество оказало слишком сильное прямое и косвенное противодействие этой политике.⁶

Обе точки зрения основываются на весомых аргументах, логика которых предполагает, скорее, синтез обеих интерпретаций. История перевода Библии на украинский язык дает отличный повод для применения такой синтезирующей перспективы. Борьба русофильских и украинофильских сил достигла своего апогея в вопросе о переводе Библии на местные национальные языки.⁷ В середине XIX века с ростом секуляризации общественного сознания противоречие между церковнославянским как супранациональным языком и русским как национальным народным языком разрешилось в пользу последнего: в 1858 г. Святейший Синод разрешил издание Библии на русском языке, в 1860 г. были напечатаны четыре Евангелия, а в 1874 г. за ними последовал Ветхий Завет.⁸ Не случайно проект перевода Библии на укра-

⁵ Такая оценка доминирует в монографии А. Миллера “Украинский вопрос”, хотя автор не отрицает наличия других факторов (ср.: С. 230-231, и особенно – С. 235 и 236).

⁶ В частности, данную позицию отстаивает Сассекс. См.: *Sussex. Lingua Nostra*. P. 116.

⁷ Странным образом история перевода Библии на украинский язык в XIX – начале XX в. до сих пор почти не исследована либо упоминается историками вскользь.

⁸ О русском переводе Библии см.: Христианство. Энциклопедический словарь в 2 томах. Т. I. Библейские переводы / Под ред. С. С. Аверинцева и др. Москва, 1993. С. 234-251, здесь С. 248 и след. Первую попытку распространения русского перевода Библии предпринял император Александр I. В 1816 г. он добился перевода Библии на русский язык. Помимо этого, при нем вышло некоторое количество экземпляров Нового Завета из запланированного стотысячного тиража. В 1819 г. были опубликованы четыре Евангелия. Однако Николай I в 1826 г. распорядился об отмене издания: J. C. Zacek. *The Russian Bible Society and the Russian Orthodox Church // Church History*. 1966. Vol. 35. No. 4. Pp. 411-437; I. Smolitsch. *Geschichte der russischen Kirche*. Bd. 2. *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 45. Berlin, 1990. S. 16-23; см. также S. Batalden. *Printing the Bible in the Reign of Alexander I*:

инский язык и ходатайство о разрешении на это издание послужили поводом для пресловутого циркуляра министра внутренних дел Петра Валуева 1863 года. Этим документом налагался запрет на письменный украинский язык (за исключением художественной литературы, но с однозначным запретом печати религиозных текстов). Ни одна другая правительственная мера не оказывала столь тормозящего влияния на формирование украинской нации, как эта. И вызвана она была вопросом о языке Библии.

Угроза концепции “большой русской нации”

Первые попытки перевода церковных книг на украинский народный язык были предприняты в первой половине XIX в.: Маркиян Шашкевич в Галиции, Григорий Квитка-Основьяненко в Харькове, а также Тарас Шевченко, Владимир Александров и Михаил Максимович перевели отдельные фрагменты Библии на украинский язык. Однако изданы были только переводы псалмов.⁹ Только Филиппу Семёновичу Морачевскому удалось реализовать большой замысел переложения всех четырех Евангелий на украинский язык.¹⁰

Внешние обстоятельства чрезвычайно осложняли работу: не было ни словарей украинского языка (не говоря уже о двуязычных справочниках), ни солидных учебников грамматики, ни общепринятой орфографии.¹¹ Демонстративную поддержку этой мужественной частной инициативе оказал известный украинофильский интеллектуал Николай Костомаров. Для реализации замысла издания некоторых научно-популярных книг и, прежде всего, ожидаемого украинского перевода Библии Костомаров в конце 1850-х гг. организовал сбор денег по под-

Toward a Reinterpretation of the Imperial Russian Bible Society // Geoffrey Hosking (Ed.). Church, Nation and State in Russia and Ukraine. London, 1990. Pp. 65-78; W. Krause. Die Bibel in Russland // Kirche im Osten. 1958. H. 1. S. 11-23.

⁹ І. Власовський. Нарис історії Української Православної Церкви. Т. I-IV. New York, 1955-1975, здесь Т. III (Ст. 18-20). New York, 1957. С. 293; Библиейские переводы // Новый энциклопедический словарь. Т. 6. С. 407. В этом издании приведены: Тарас Шевченко. Псалмы Давыдовы. СПб., 1860; М. Максимович. Псалмы, переложенные на малороссийское наречие. Москва, 1859.

¹⁰ Морачевский происходил из украинского дворянского рода Черниговской губернии, окончил историко-филологический факультет Харьковского университета, где столкнулся с зарождающимся украинским движением.

¹¹ О. Воронин. У темній неволі: Українська Православна церква у 19 столітті // Сучасність. 1988. Ч. 7-8. С. 206-217, здесь С. 215.

писке, которые должны были поступить в распоряжение особого Комитета “избранных людей”.¹²

В марте 1860 г. Морачевский послал первые два законченных перевода Евангелия от Матфея и Иоанна петербургскому митрополиту Исидору с просьбой одобрить перевод и оказать содействие планируемому изданию. В своем письме он ссылался на двенадцать миллионов православных украиноязычных христиан, которые, в отличие от других христианских народов, даже не имеют Нового Завета на родном украинском языке. При этом Морачевский пытался убедить митрополита в исключительно религиозном значении своего труда:

Высокие божественные истины, со всею простотою, ясностью и теплотою евангельской науки произнесенные на родном, целиком понятном для каждого языке, с которым сливаются все понятия и мысли народа, осветили бы темный разум ясным и спасительным светом веры и повлияли бы на шаткую народную мораль быстрее, определеннее и глубже, чем все ученые разъяснения.¹³

Реакция митрополита Исидора, последовавшая 14 сентября 1860 г., была крайне сдержанной. После частной консультации с членами Синода Исидор сообщил, что “малорусский” перевод Евангелия Морачевского или других авторов не может быть допущен к печати.¹⁴

¹² Подробнее об “Основе” см.: Миллер. “Украинский вопрос”. С. 76-95.

¹³ І. Власовський. Нарис історії. Т. III. С. 296.

¹⁴ В то время как правительство и церковное руководство в конце XIX и начале XX в. вели речь исключительно о “малороссийском” диалекте и “малорусах”, подразумевая все украиноязычное население Левобережной и Правобережной Украины, этот термин приобрел в глазах националистически настроенных украинцев уничижительные коннотации. На фоне растущего национального сознания в начале XX в. этот термин предпочитали, как правило, те, кто отвергал украинское национальное движение. После революции 1917 г. и основания автономной и затем независимой Украины термины “малорусский” и “малоросс” полностью исчезли из речевого обращения, что демонстрирует их специфический политический характер, по меньшей мере, в позднейимперский период. Поскольку в статье предпринимается попытка, насколько это возможно, придерживаться нейтральной терминологии, термины “малорусский” и “малорус” используются далее в тексте только при цитировании оригинальных источников или при ссылках на них. В таких случаях ставятся кавычки. А. Миллер (в отличие от Андреаса Каппелера, Ивана Рудницкого и Фрэнка Сысина) призывает применять в качестве основного понятия “малорус”, а термин “украинцы” употреблять только для обозначения украинских националистов, мыслящих современными категориями: Миллер. “Украинский вопрос”. С. 41 и след.

Очевидно, прошение не было даже представлено на официальном заседании Синода, так что в апреле 1861 г. Морачевский получил свою рукопись назад. Кроме того, формулировка Исидора – “подготовленные Вами и другими авторами переводы” также не могут быть допущены к печати – давала понять, что отказ связан не с качеством перевода, а обусловлен принципиальными соображениями.

Между тем, Морачевский завершил перевод не только Евангелий от Марка и Луки, но и Книги Деяний Апостолов. Он предпринял новую попытку и послал перевод всего Нового Завета на украинском языке в Императорскую Академию наук в Санкт-Петербург. Морачевский в очередной раз ходатайствовал о проверке качества его перевода и просил Академию в случае положительного решения добиться у Синода разрешения на издание.

Действительно, отделение русского языка и литературы Императорской Академии наук, в отличие от члена Синода Исидора, пришло к совершенно иному заключению. Уже отзыв первого рецензента Измаила Ивановича Срезневского давал понять, с какой точки зрения Академия собиралась рассматривать текст перевода. Академия подвергала изучению не необходимость украинского перевода Святого Писания, который уже был сделан, а то, насколько украинский язык в состоянии передать “величие содержания Святого Писания”.¹⁵ В рецензии видного литератора и профессора Академии отмечалось, что “переводчик с большим успехом справился с этой трудной задачей”. В заключении, составленном А. В. Никитенко вместе с филологом Александром Востоковым и упомянутым выше И. И. Срезневским, говорилось, что перевод “есть в высшей степени труд замечательный и с учено-филологической стороны, и со стороны религиозно-нравственной”.¹⁶ Авторы заключения отмечали, что перевод разрешил “как нельзя более удовлетворительно” вопрос о том, “способно ли малороссийское наречие, на настоящей степени своего литературного развития и разработки, к внушению тех божественных и величайших истин, какие содержит в себе Евангелие”.¹⁷ Либеральное и политически менее лояльное отделение русского языка и литературы настоятельно апеллировало к тогдашнему президенту академии графу Д. Н. Блудову с просьбой ходатайствовать в Синоде о разрешении издания этого “блистательного труда”. Президент немедленно удовлетворил эту

¹⁵ І. Власовський. Нарис історії. Т. III. С. 297.

¹⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5780. Л. 2.

¹⁷ Там же.

просьбу,¹⁸ и уже в апреле 1862 г. обер-прокурор Святейшего Синода получил рукопись Морачевского.¹⁹

На этот раз продуманные действия Морачевского повергли Святейший Синод в замешательство. В то время как представленное им ранее в частном порядке ходатайство было просто отклонено, обращение императорской академии требовало более тщательного обсуждения и экспертизы и в случае отказа – убедительного обоснования. Публикация украинского перевода Библии без согласия Синода исключалась согласно статье 31 Устава о цензуре и печати: все книги религиозного содержания должны были перед публикацией пройти через цензурный комитет Святейшего Синода и получить его одобрение. Соответствующие синодальные комитеты, состоящие из трех-четырёх членов, существовали в Санкт-Петербурге, Москве, Казани и Киеве. Согласно статье 250 Устава, комитеты обладали правом цензуры содержания, значения, истинности идей, ясности изложения и согласованности с церковными учениями всех книг духовного содержания.²⁰

Синод поручил тогдашнему архиепископу Калужскому Григорию (Николаю Васильевичу) Миткевичу, украинцу по происхождению, дать оценку перевода. Власовский писал, что Григорий был тронут до слез и пребывал под глубоким впечатлением от перевода.²¹ Однако последнее слово в чрезвычайно актуальном вопросе о переводе Библии на украинский язык не принадлежало ни епископу, ни Синоду, ни Академии наук.

¹⁸ Там же. Л. 2 об.

¹⁹ Там же. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 166. Л. 8.

²⁰ В. Dmytryshin. Introduction // Ф. Савченко. Заборона Українства 1876 р. [The Suppression of the Ukrainian Activities in 1876]. München, 1970. S. xv-xxix, здесь S. xix.

²¹ В архиве этому не находится никаких подтверждений, а Власовский не приводит никаких источников. Поэтому утверждение Власовского о реакции Григория и его же сообщение о том, что архиепископ послал перевод в Синод, сопроводив его похвальным отзывом, вызывают сомнения: І. Власовський. Нарис історії. Т. III. С. 297. Из архивных актов следует, что Синод собственным решением объявил о прекращении процедуры экспертизы и отозвал манускрипт Морачевского из Калуги. Тем не менее вряд ли можно полностью сбрасывать со счетов позитивное отношение архиепископа Григория к украинскому переводу Библии, поскольку в отчете комиссии Академии наук по вопросу об “Отмене стеснений ‘малорусского’ печатного слова” 1910 г. упоминается, что епископ одобрял труд Морачевского: Об отмене стеснений малорусского печатного слова. СПб., 1910. С. 17.

Предыстория издания так называемого Валуевского циркуляра уже неоднократно становилась предметом рассмотрения в историографии.²² Наиболее последовательно, с учетом широкого спектра архивных документов, генезис этого циркуляра прослежен А. Миллером. Тем не менее Миллер во многом недооценивает роль перевода Библии в происхождении этого документа; это в большей степени связано с тем, что им не были привлечены важные документы архива канцелярии Синода.

В момент, когда перевод Евангелий Морачевского находился у архиепископа Григория, животрепещущий вопрос о возможном переводе Библии на украинский язык достиг слуха некоторых влиятельных лиц из числа светской и духовной элиты Киева. В начале марта 1863 г. князь В. А. Долгоруков, глава III отделения Собственной его Императорского Величества канцелярии, пользующийся дурной славой из-за большого влияния на царя, получил анонимное письмо.²³ Его авторы указывали на тесную связь между признанием самостоятельности языка, изданием на нем собственной Библии и формированием национальности. Анонимные составители письма, называвшие себя “заступниками церкви и отечества”, пытались, в первую очередь, делегитимировать “малорусский” язык. Здесь они парадоксальным образом следовали логике очернения церковнославянского языка, предложен-

²² Вопрос об издании украинского перевода Библии имел, безусловно, решающее значение во всей истории Валуевского циркуляра, хотя и не был единственным фактором, приведшим к его появлению. Наряду с перепиской правительственных сановников об опасности украинского перевода Библии в 1862 г. в правительстве шла параллельная дискуссия в связи с жалобами на украинскую Громаду в Киеве, сыгравшая определенную роль в издании циркуляра. При перечислении основных причин появления Валуевского циркуляра нельзя сбрасывать со счетов и польское восстание 1863 года, которое спровоцировало фантазии о возможном повторении этого сценария в украинофильских кругах. О происхождении и влиянии Валуевского циркуляра см. раннюю работу Ф. Савченко. Заборона Українства 1876 р. / Нг. v. Omeljan Pritsak (Wiederauflage des Druckes von 1930). München, 1970; а также А. Миллер. “Украинский вопрос”; А. Стародуб. До питання про вплив дискусії щодо доцільності видання українського перекладу Святого Письма на генезу Валуевского циркуляру 1863 року // Тези виступів учасників Всеукраїнського “круглого столу”, “Сарбейвські читання” (Київ, 30.1.2003). Київ, 2003. С. 63-65; D. Saunders. Russia and Ukraine under Alexander II: The Valuev Edict of 1863 // The International History Review. 1995. Vol. 17. No. 1. Pp. 23-50; Idem. Mikhail Katkov and Mykola Kostomarov: A Note on Petr A. Valuev’s Anti-Ukrainian Edict of 1863 // Harvard Ukrainian Studies. 1993. Vol. 17. No. 3/4. Pp. 365-383.

²³ См.: Миллер. “Украинский вопрос”. С. 99.

ной польским иезуитом Скаргой три столетия назад.²⁴ Анонимные авторы подчеркивали, что перевод слова Божьего на малорусский “жаргон” является политической идеей, цель которой далека от того, чтобы сделать Святое Писание доступным для простого народа. Они считали, что малорусский народ лучше воспримет слово Божье на славянском или даже на русском языке, а не на некоем народном языке, который еще только предстоит создать и развить до такой степени, чтобы на нем можно было сносно передавать истины откровения, предварительно очистив их от “профанаций” и “пометания бисера под ноги свиней”.²⁵

Схожая по содержанию аргументация, отточенная риторически и логически, содержалась в письме киевского генерал-губернатора Н. Н. Анненкова от 17 марта 1863 г., определившем дальнейший ход дела.²⁶ Анненков не оставлял никаких сомнений в том, что он отвергает украинский перевод Библии и считает эту инициативу прежде всего политической. По его убеждению, “малорусское наречие” являлось языком простого народа и не имело ни собственной грамматики, ни литературы, а степень его скудности не позволяла выразить ни одного возвышенного понятия и передать высшие истины откровения. Анненков ссылался на автора анонимного письма, “справедливо” заметившего, что для перевода Библии на украинский язык придется придумывать почти половину слов. Таким образом, аргументировал Анненков, перевод Библии на малорусский язык нельзя оправдать ни потребностями народа, ни состоянием языка.²⁷

²⁴ См.: R. Mathiesen. The Church Slavonic Language Question: An Overview (IX-XX Centuries) // R. Picchio, H. Goldblatt (Eds.). *Aspects of the Slavic Language Question*. Vol. 1. New Haven, 1984. Pp. 45-65. Еще Цицерона занимал вопрос о том, насколько грамматический и лексический потенциал латинского языка достаточен для достойной трансляции концептов греческой философии и риторики. У многочисленных народов можно наблюдать попытки, порой затягивающиеся на столетия, защиты уже укоренившегося языка от притязаний “нового”. R. Picchio. *Guidelines for a Comparative Study of the Language Question among the Slavs* // Picchio, Goldblatt (Eds.). *Aspects*. Pp. 1-42.

²⁵ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 166. Л. 8.

²⁶ Аналогии между двумя документами вызывают обоснованное подозрение, что Анненков вполне мог быть инициатором анонимного письма духовных лиц. Алексей Миллер также указывает на тесную связь между анонимным письмом и Отношением Анненкова на имя Долгорукова: Миллер. “Украинский вопрос”. С. 99-100.

²⁷ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 166. Л. 5. См. также: Миллер. “Украинский вопрос”. С. 100.

В письме Анненков опровергал собственный же приговор, вынесенный украинскому языку: отказывая “малорусскому наречию” в способности “передать высокие истины откровения”, он тут же упоминал, что перевод Нового Завета на украинский язык Морачевского получил высокую оценку. К тому же, как писал Анненков, издание украинской Библии привело бы к признанию самостоятельности украинского языка. Тем самым генерал-губернатор, не желая того, признавал надуманность и политический характер обвинения украинского языка в том, что ему не достаёт достоинства (*dignitas*) (обвинение, фигурировавшее в лингвистических дебатах прошлых веков).

Русское Библейское Общество за 50 лет с момента своего основания Александром I перевело Библию в общей сложности на семьдесят языков Российской империи: среди прочих – на калмыцкий, чувашский, пермяцкий, якутский, мордовский и др. Однако в Днепроградской Украине миссионерский аспект и распространение библейских знаний не играли никакой роли. Перевод Библии на современный украинский язык имел фундаментально противоположное значение по сравнению с переложением Святого Писания на другие языки (за исключением белорусского, хотя в XIX в. ещё не существовало библейского перевода на этот восточнославянский язык). В случае Украины речь шла не только о потенциальных претензиях на автономию, но о сохранении руководимого русскими сообщества наследников “святой Киевской Руси”, игравшей ключевую роль в русском национальном самосознании.

Такая риторика получила развитие в письме председателя киевского цензурного комитета Новицкого, легшего в основу Валуевского циркуляра от 18 июля 1863 г.²⁸ В целом, политические баталии вокруг языка обнаруживали элементы более ранних средневековых дебатов между приверженцами альтернативных супраэтнических языков – нововведенного церковнославянского и греческого с латынью. Такого же рода соперничество наблюдалось в раннее Новое время между церковнославянским и национальными народными языками. Однако если раньше споры о языке велись, в первую очередь, духовными лицами, заботившимися о достоинстве (*dignitas*) языковой нормы (*norma*) литургического языка, то теперь решающее слово было за светской властью. После того, как инициатива в решении вопроса о статусе укра-

²⁸ Подробнее о завершающей фазе издания циркуляра см.: Миллер. “Украинский вопрос”. С. 102-115.

инского языка перешла к Министерству внутренних дел, именно светская власть отказывала ему в праве на самостоятельное существование.²⁹ С согласия царя министр внутренних дел взял на себя функции духовной власти и модифицировал их: задача сохранения прежнего восточнославянского сакрального сообщества (*Slavia Orthodoxa*) уступила место задаче построения большой русской нации.³⁰ Согласно новой логике, перевод Нового Завета на украинский язык подрывал поддерживаемое до сих пор достоинство (*dignitas*) русского языка и, вместе с тем, его функцию как *lingua franca* на территории украинских областей. Обер-прокурор Святейшего Синода немедленно и послушно отреагировал на валуевский циркуляр: уже на следующий день А. П. Ахматов докладывал Валуге о том, что Синод, отказавшись от экспертизы, потребовал от калужского архиепископа немедленно вернуть перевод. Кроме того, обер-прокурор дал указание всем церковным цензурным органам запрещать все без исключения сочинения религиозного содержания на украинском языке.³¹ Среди высокопоставленных духовных лиц украинских епархий это не вызвало протеста. Напротив, в докладе полковника Н. В. Мезенцева, командированного III отделением в южные губернии для наблюдения за развитием “малорусской пропаганды”, значилось, что православные иерархи глубоко преданы российскому правительству и полностью согласны с мнением и мерами Святейшего Синода, принятыми в отношении украинского перевода Библии.³²

²⁹ Подробнее о русско-украинских языковых дебатах в связи с переводом Библии с учетом ранних дискуссий о языке см.: R. Vulpius. Nationalisierung der Religion. Кар. III.1. Хотя в позднеимперский период в русско-украинском контексте такие латинские понятия как *dignitas* и *norma* не использовались, я сознательно обращаюсь к ним, чтобы подчеркнуть сходство этих дебатов с более ранними.

³⁰ Термин *Slavia Orthodoxa* (православное славянство), обозначающий возникшее в средневековье культурное и языковое сообщество православных славян, простиравшееся от Балкан до России, получил широкое признание. Этот неологизм был введен в научный оборот литературоведом Риккардо Пиччио. Единство *Slavia Orthodoxa* базируется, в первую очередь, на церковнославянском языке как едином родственном литературном языке и противопоставляется *Slavia Romana*, находившемуся под влиянием римско-католической церкви и пользовавшемуся латинским языком как литературным. Терминологические дискуссии см.: R. Picchio. Models and Patterns in the Literary Tradition of Medieval Orthodox Slavdom // Victor Terras (Ed.). American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists. Vol. II: Literature and Folklore. Mouton, 1973. Pp. 439-467, особенно Pp. 442-444, 464-466.

³¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 166. Л. 26.

³² Там же. Л. 28.

Похоже, что действия Святейшего Синода не вызывали особого недоумения у современников. Подчинение русской православной церкви государству состоялось, самое позднее, в конце XVII в., а учреждение Петром I в 1721 г. государственного ведомства по управлению церковными делами лишь оформило уже сложившиеся отношения. Таким образом, уступчивость церкви отражала реальное соотношение сил, хотя юридически только ей принадлежало право решения судьбы перевода Библии и его публикации.³³ Описываемое Мезенцевым единение духовных иерархов украинских епархий с Валуевым также не должно вызывать особого удивления, поскольку почти вся верхушка клира происходила из русских семей и за некоторыми исключениями не ощущала никакой связи с украинским языком. К тому же, именно в целях русификации на епископские должности в украинских епархиях отбирались русские священники.³⁴

Валуевский циркуляр и последовавшее за ним распоряжение Синода расстроили планы Николая Костомарова по финансированию издания украинского перевода Библии и публикации “Священной истории”, составленной и переложенной священником Опатовичем.³⁵ Собранные на издание Библии деньги были переданы Костомаровым в Академию наук с просьбой использовать всю сумму в качестве премии за лучший украинско-русский словарь.³⁶ Для Морачевского же, осуществившего перевод Библии, речь шла о крушении дела всей его жизни. У него не оставалось больше надежд увидеть при жизни плоды своего труда. Письма Морачевского к Киевскому мит-

³³ Стивен Баталден предложил концепцию, описывающую четыре политических уровня властных отношений, на которых решается вопрос о переводе Библии: 1) непосредственно перевод и публикация; 2) выбор базового текста для перевода; 3) выбор стиля и языковых форм; 4) распространение напечатанной Библии. К сожалению, эта концепция не учитывает принципиальное ограничение властных полномочий русской православной церкви и ее подчинение интересам государства: S. K. Batalden. *The Politics of Modern Russian Biblical Translation* // Ph. C. Stine (Ed.). *Bible Translation and the Spread of the Church. The Last 200 Years*. Leiden, 1992. Pp. 68-80. Интересный, хотя и с сильным католическим уклоном, обзор запретов на Библию, имевших место в мировой истории, предлагает Ph. Hofmeister. *Bibellesen und Bibelverbot* // *Österreichisches Archiv für Kirchenrecht*. 1966. Bd. 17. Nr. 3. S. 298-355.

³⁴ Подробнее о кадровой политике русской православной церкви как средстве русификации украинских епархий см.: Vulpius. *Nationalisierung der Religion*. Kap. II.1.

³⁵ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 166. Л. 25.

³⁶ Новый энциклопедический словарь. Т. 6. С. 407.

рополиту Арсению полны отчаяния. Арсений пытался найти слова утешения:

Не вовремя Вы затеяли это дело [малорусского перевода Св. Библии]. Подождите... – оно повернется, но только не теперь и не так еще скоро.³⁷

Митрополит оказался прав: сменилось не одно поколение, прежде чем “дело приняло другой оборот”. С точки зрения украинофилов, уходящий XIX век не предвещал ничего хорошего для национальных регионов в российском подчинении. В то время, когда бóльшая часть “малых народов” достигла решающей стадии национальной мобилизации и осуществила переход (согласно схеме Мирослава Хроха) от этапа культурно мотивированных элит к политическому массовому движению, украинофилы в Российской империи все еще были вынуждены доказывать, что их язык может служить носителем культуры и образования.³⁸ Общественное сознание еще не было готово сделать решающий шаг к признанию украинского *наречия* полноценным литературным *языком*. Спустя всего лишь два года после того, как миллионы украиноязычных крестьян освободились из крепостной зависимости, развернутая украинофилами просветительская деятельность была полностью пресечена и все начальные школы, обучавшие на украинском языке, были закрыты или переведены на русский. Подготовленные к печати публикации на украинском языке в области реформ сельского хозяйства и здравоохранения подверглись запрету.

Гораздо благоприятнее ситуация с “книгой книг” складывалась в Галиции. Там впервые в 1871 г. и повторно в 1885 г. (уже в переработанном варианте) было разрешено издать украинский перевод Нового Завета в редакции Пантелеймона Кулиша и Ивана Пулюя.³⁹ Однако их перевод не получил высокой оценки профессионалов. Напротив, по словам известного венского слависта Франца фон Миклошича, он яв-

³⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5780. Л. 95. Цитата из письма митрополита содержится в послании Морачевского от 1 августа 1874 г., адресованного профессору Академии наук Срезневскому, и относится, по всей вероятности, к 1860-м гг.

³⁸ M. Hroch. Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Eine vergleichende Analyse zur gesellschaftlichen Entwicklung der patriotischen Gruppen. Prag, 1968.

³⁹ Украинский писатель и ученый Пантелеймон Кулиш (1819-1897) родился в Черниговской губернии, провел четыре года за границей, в том числе в Варшаве и Вене. Иван Пулюй изучал греко-католическую теологию. Кулиш и Пулюй познакомились в 1869 г. в Вене.

лялся “парафразой греческого оригинала”, а не точным переводом с греческого.⁴⁰ Но независимо от качества перевода в Российской империи, согласно циркуляру 1863 г. и последовавшим в 1876 г. еще более ограничительным распоряжениям правительства (так называемый “Эмский указ”), полностью запрещалось издание любых библейских текстов на украинском языке. Большой спрос на украинский перевод Библии привел к возникновению сети нелегальных каналов распространения галицийских изданий, так что уже с 1870-х гг. в Днепропровской Украине из рук в руки переходили тысячи экземпляров перевода Кулиша и Пулюя.⁴¹

Признанный же лучшим перевод Нового Завета Морачевского похищен в архиве петербургской Академии наук.⁴² Помимо этого, Морачевский направил в конце 1860-х гг. в Академию завершённые им переводы Апокалипсиса и Псалтыря и получил утешительный ответ, что “труд его... будет храниться Академией между драгоценными и редкими рукописями”.⁴³ Однако до самой своей смерти автор пребывал в полной уверенности, что его рукописи, которые все еще хранились в Академии, исчезнут “без всякого следа своего существования и без надежды на то, чтобы они когда либо появились на Свет Божий и сказали бы их автору спасибо за его труд”. В августе 1874 г. в одном из писем содержавшем последнюю искру надежды на то, что его труды принесут хотя бы какие-то плоды, Морачевский обратился к ученому Академии и бывшему рецензенту его трудов Измаилу Срезневскому с вопросом: не хотела бы академия приобрести у него права на литературную собственность, чтобы он мог оставить своим внукам хоть ка-

⁴⁰ І. Власовський. Нарис історії. Т. III. С. 294. По мнению исследователя Г. Луцкого, критика Миклошича относилась к переведенным Кулишем частям Библии, а не к изданным в 1871 г. четырем Евангелиям. G. Luckyj. Pantelejmon Kulish. A Sketch of his Life and Times. New York, 1983. P. 150.

⁴¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5780. Л. 11. Вероятно, в распространении украинской Библии участвовали иностранные посредники и посольства, а в 1881 г. важной точкой распространения был отель “Russie” в Бродях. Luckyj. Kulish. P. 151. Об этом подробнее см.: А. Стародуб. Невидоме свідчення про поширення українського перекладу Нового Заповіту на території Наддніпрянської України у 80-ті рр. XIX століття // Український археографічний щорічник. Т. 8-9. / Ред. П. Сохан. Київ, 2004. С. 620-628.

⁴² Неоспоримость высокого качества перевода Морачевского отмечалась современниками именно в сравнении с переводами Кулиша и Пулюя. См. исследование, проведенное по заказу Академии наук: П. И. Житецкий. О переводах Евангелия на малорусский язык. СПб., 1906.

⁴³ РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5780. Л. 85 об.

кое-нибудь наследство.⁴⁴ Однако Академия не сочла возможным приобрести авторские права.⁴⁵ Морачевский умер в 1879 г., забытый всеми. Он был похоронен в родном селе у церкви, построенной по его инициативе.

Эта история известна еще меньше, чем последовавший десятилетия спустя триумф, связанный с публикацией переводов Морачевского. Нет ни одного словаря, в котором бы упоминался первый украинский перевод Нового Завета в России. Считается даже, что пионерский труд принадлежит Ивану Охиенко и относится к первым годам советской власти.⁴⁶ Только украинский церковный историк Иван Власовский, имевший в последнее дореволюционное десятилетие контакты с духовенством на Украине, и Александр Лотоцкий, назначенный при гетманском правительстве в 1918 г. министром исповеданий, знали о запоздалом успехе Морачевского и украинофильских сил в Днепропровской Украине и строго придерживались известных им фактов.⁴⁷ Так что настоящая статья является первой в историографии попыткой полной реконструкции судьбы украинского перевода Библии в начале XX в.

Начало XX в. внесло оживление в дело издания украинского перевода Библии. По просьбе внука Морачевского представители Академии обратились в правительственные органы с ходатайством о разрешении публикации. Хотя реакция чиновников оставалась, как и прежде, негативной, благодаря достигнутой к этому моменту *de facto* или *de jure* свободе печатного слова дискуссия по этому вопросу вылилась на страницы газет, и ее уже невозможно было остановить.

⁴⁴ Рано ушедшая из жизни дочь Морачевского Анастасия Филипповна Кобеляцкая оставила мужу Алексею Ивановичу Кобеляцкому пятерых детей. РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5780. Лл. 86 и след.

⁴⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5780. Л. 95.

⁴⁶ См., например: Theologische Realenzyklopädie. 1980. Bd. 6, которая подробно сообщает о всех переводах Библии на славянские языки, и в том числе – о переводе Кулиша и Пулюя (S. 293 и след.). Однако о труде Морачевского в энциклопедии не содержится ни одного упоминания. То же самое касается “Das Evangelische Kirchenlexikon, Das Lexikon für Theologie und Kirche” и “Энциклопедии Христианства”. См. также: D. Čuževskij. A History of Ukrainian Literature. Littleton, 1975. Единственным исключением является словарная статья И. Коровытского о Морачевском: Encyclopedia of Ukraine. Vol. 3 / Ed. by Danylo Husar Struk. Toronto, 1993. P. 457.

⁴⁷ И. Власовський. Нарис історії. Т. III. С. 297-299; детальнее и информативнее представлены события у Лотоцкого, но и здесь сказывается недостаток важных документов: О. Лотоцький. Сторінки Минулого. Тт. 1-4. Варшава, 1932-1939. Т. 2. С. 382-399.

В 1904 году на фоне роста социальной напряженности в Российской империи, растущих потерь в русско-японской войне и перехода правительства к оборонительным мерам внутри страны украинофильские круги в Санкт-Петербурге вновь подняли вопрос об украинской Библии. Петр Саладылов, высокопоставленный чиновник министерства внутренних дел и член Петербургской *Старой Громады*, обратился к члену академии Алексею Шахматову, известному своими либеральными взглядами и украинофильскими симпатиями. Видный русский филолог и приверженец концепции самостоятельного украинского языка, Шахматов довольно быстро дал свое согласие и сыграл в последующие годы выдающуюся роль в деле отмены Эмского указа 1876 г. и его дополнения от 8 октября 1881 г.⁴⁸ Шахматову удалось также заручиться поддержкой президента Академии наук и близкого родственника царя, великого князя Константина Константиновича.⁴⁹ Еще в начале мая, развернув активную деятельность вокруг перевода Библии на украинский язык, великий князь напрямую обратился к министру внутренних дел В. К. Плеве, а после убийства последнего – к его преемнику, князю П. Д. Святополк-Мирскому.⁵⁰ Известный своими либеральными взглядами, новый министр внутренних дел без промедления дал делу ход, полагая, что по сравнению с 1863 г. политические условия существенно изменились, публикация украинской Библии не представляет больше угрозы единству России и “в настоящее время” все помехи для ее издания устранены.

Президент Академии против обер-прокурора

Как только президенту Академии наук стало понятно, что он может не опасаться сопротивления со стороны министра внутренних дел, он сосредоточил все внимание на последнем препятствии, стоявшем на пути публикации украинской Библии. 21 декабря 1904 г. великий князь направил в Святейший Синод 32-страничное обращение. Пре-

⁴⁸ Более подробно о Шахматове и происхождении его украинофильских симпатий см.: О. Andriewsky. *The Politics of National Identity: The Ukrainian Question in Russia, 1904-1912* / Ph.D. Dissertation. Harvard University, 1991. Pp. 51-56. О циркуляре 8 октября 1881 г. и его предыстории см.: Миллер. “Украинский вопрос”. С. 204-226.

⁴⁹ Великий князь Константин Константинович Романов (1858-1915) занимал пост президента Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге с 1889 по 1915 г.

⁵⁰ Письмо президента Академии великого князя Константина Константиновича министру внутренних дел Вячеславу Константиновичу Плеве 12 мая 1904 г. // Лотоцкий. Сторінки минулого. Т. 2. С. 388.

зидент не без оснований предполагал, что в Синоде его ожидает самое активное сопротивление. При обер-прокуроре К. П. Победоносцеве (1880-1905) верховная инстанция русской православной церкви превратилась в оплот политической реакции и стагнации. После предшественника Победоносцева, графа Д. А. Толстого (1865-1880), не предпринималось уже никаких попыток для поддержания духовного авторитета и материального благосостояния церкви. Победоносцев использовал любые средства для того, чтобы обратить вспять все начатые его предшественником либеральные реформы.⁵¹ Он продолжал пользоваться большим авторитетом и при Николае II, оставаясь недосягаемым для других министров, пытавшихся ограничить степень его политического влияния. Однако теперь президент Академии решил воспользоваться благоприятным моментом. Великий князь не только заручился поддержкой Министерства внутренних дел, он также рассчитывал на Комитет министров, который в тот момент обсуждал вопрос об отмене ограничений 1863, 1876 и 1881 гг. на издание книг на “малорусском” языке. Кроме того, все это происходило на фоне усиливающегося давления “улицы” и настойчивых требований либерализации всех сфер общественной жизни.

В своем обращении великий князь Константин Константинович продемонстрировал блестящие способности аналитика, а также предусмотрительно оговорил и опроверг все возможные доводы против публикации Евангелия на украинском языке. По его мнению, вопрос о легитимности издания украинской Библии включал в себя три аспекта, которые нуждались в пояснениях: политический (светский), религиозный и церковно-политический и филологический. Как полагал президент Академии, приговор по всем трем вопросам был вынесен в 1863 году Киевским генерал-губернатором Анненковым фактически единолично, а Синод, вопреки своему изначально положительному отношению, подчинился политическому давлению и распространил запрет на украинский язык в религиозной и церковно-политической сферах. В настоящий момент светская сторона ведет себя иначе и сигнализирует о своем согласии на публикацию перевода, так что политический аспект можно считать проясненным. Остаются филологическая и религиозная стороны вопроса.

⁵¹ G. Simon. *K. P. Pobedonoscev und die Kirchenpolitik des Heiligen Sinod, 1880-1905*. Göttingen, 1969; R. F. Byrnes. *Pobedonostsev. His Life and Thought*. Bloomington, Ind., 1968.

С филологической точки зрения речь могла идти только об одном – соответствует ли текст Морачевского оригиналу и насколько адекватно языковая форма отражает достоинство (*dignitas*) и величие библейского содержания.⁵² Оба пункта получили однозначно положительную оценку в отзыве ведущих ученых Академии в 1862 г. Таким образом, речь шла не о том, на языке или наречии говорят “малоруссы”. Игря на противоречиях Валуевского циркуляра 1863 г., президент Академии умело выстраивал свою аргументацию: поскольку тогдашний министр внутренних дел сознательно обошел своим запретом произведения художественной литературы, следовательно, уже в то время существовал украинский литературный язык, “в настоящее время уже очень значительный”. В качестве подтверждения великий князь упоминал многочисленные журнальные, научно-популярные и научные публикации на украинском языке, изданные “в зарубежной Руси”.⁵³ Помимо того, он сообщал, что в Восточной Галиции читаются на украинском университетские лекции и издаются учебники.

Даже если язык только с недавних пор имеет собственную письменность – продолжал Константин Константинович, – это еще не повод для препятствования переводу Святого Писания. Вряд ли переводчики Библии для пермяков, финнов, зырян, вотяков и алеутов боялись литературного несовершенства этих языков или того, “что евангельские истины приходилось выражать в переводах при помощи скудных средств языка рыболовов или звероловов”. Все эти аспекты не послужили основанием для запрета упомянутых переводов Библии. Однако в случае украинского языка как языка с развитой письменностью и богатыми литературными традициями предъявляются более высокие требования по сравнению с переводами на нелитературные языки, при том, что заключение ученых Академии наук демонстрирует, что выдающийся перевод Морачевского полностью удовлетворяет всем требованиям. И если более тщательная филологическая экспертиза выявит какие-либо ошибки в переводе, они ни в коем случае не преумалят значения труда в целом и должны быть устранены лучшими знатоками украинского языка.

Великий князь Константин Константинович продемонстрировал свою секуляризованную, западноевропейскую просвещенность и романтизирующее, гердеровское понимание языка. Он не признавал те-

⁵² РИГА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5780. Лл. 6 и след.

⁵³ Имеется в виду Восточная Галиция.

зиса о “загрязнении” Святого Писания, переданного на несовершенном языке, поскольку графические знаки не могли символизировать божественную истину, и не соглашался с национальной аргументацией приверженцев концепции “большой русской нации”, согласно которой малые восточнославянские народы лишались права на развитие своих собственных языков. Хотя вопросы *dignitas* и *norma* являлись значимыми для президента Академии наук, он рассматривал их скорее как относительные, а не абсолютные препятствия.

Константин Константинович не коснулся отдельно только вопроса о символическом значении первого издания Библии для недоминантного этноса, а также о возможных политических последствиях этой акции. И это вряд ли должно удивлять, поскольку ему предстояло убедить высшую церковную инстанцию в целесообразности разрешения публикации украинской Библии. К этому вопросу он обратился в последнем пункте своего обращения, рассмотрев *религиозный аспект* в контексте церковной политики. Здесь лежал основной камень преткновения, с этой сферой были связаны основные прерогативы Святейшего Синода, что требовало особой осторожности и риторического мастерства. Константин Константинович позволил себе задать Святейшему Синоду два наводящих вопроса, имевших непосредственное отношение к процессу принятия решения. Во-первых, признает ли Святейший Синод, что украинский народ нуждается в Библии на родном языке? Во-вторых, как Синод относится к неоднократно высказанным опасениям, что издание украинского перевода Библии “внесет разъединение в русскую церковь”?⁵⁴ Неожиданно откровенные вопросы президента Академии обнажили самую суть конфликта, разгоревшегося вокруг сохранения восточнославянского сакрального сообщества.

Как писал великий князь, он лично был абсолютно убежден в необходимости украинской Библии, поскольку “почетные пасторы Украины” уже давно используют в своих проповедях живой народный язык. При этом он, в частности, ссылаясь на сохранившиеся записи проповедей подольского протоиерея Василя Гречулевича 1850-1860-х гг., а также на сообщения викария Амвросия (Гудко) из Волыни 1904 г. Эти “почетные пастыри”, по мнению великого князя, были далеки от всяких политических или сепаратистских интересов: как подчеркивал в предисловии к своим опубликованным проповедям Гречулевич, “для успеха проповеди необходимо, со стороны нашей, говорить народу на

⁵⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5780. Лл. 9 и след.

языке для него совершенно понятном, близком сердцу, родном”.⁵⁵ В заключение великий князь обратил внимание на широкую популярность украинской Библии Кулиша и Пулюя в Днепропровской Украине в 1870-е гг. Тысячи экземпляров Библии циркулировали не только в Галиции и Карпатской Украине, но и, несмотря на все запретительные меры, в “Южной России”. Тот факт, что с 1871 г. в Галиции не прекращалось переиздание украинской Библии, является очевидным свидетельством того, “что малороссы не составляют исключения в среде христианских народов и что в них жива потребность читать Слово Божие на родном понятном языке”.

Великий князь искусно доказывал, что именно среди “малороссов” существует огромная духовная потребность в “понятной” Библии. То обстоятельство, что ему пришлось сослаться на двух священников, один из которых (Гречулевич) умер несколько десятилетий назад, заостряет проблематику: украинофильски настроенные священники располагали чрезвычайно ограниченными возможностями коммуникации в условиях репрессивного управления в поздней империи, они фактически не могли апеллировать к общественности, что существенно затрудняло публичную артикуляцию и восприятие в обществе “украинских потребностей”.⁵⁶ Излюбленное возражение русофилов, что русский перевод Библии в состоянии удовлетворить потребности украинцев для постижения Святого Писания, великий князь мог опровергнуть только косвенно. Он повторно сослался на Гречулевича и Амвросия, которые, по его мнению, возможно и не проповедовали бы на украинском, если бы “великорусский” народный язык был действительно столь близок украинцам. Это замечание относится и к Библии Кулиша и Пулюя, пользовавшейся широкой популярностью в Галиции: русскую Библию было приобрести проще, безопаснее и дешевле, и тем не менее, она не имела особого успеха в “Малороссии”.

Что же касается понимания русского языка, то президент приводил взаимоисключающие доводы: киевский генерал-губернатор Анненков писал в своем письме в 1863 г., что простые “малоруссы” достаточно хорошо понимают русский язык. А ученый Академии Срезневский, которому в 1862 г. была доверена экспертиза перевода, подчеркивал,

⁵⁵ Предисловие ко 2-му изданию проповедей Гречулевича на малорусском языке. СПб., 1857.

⁵⁶ Об украинской общественности в условиях поздней Российской империи см.: R. Vulpius. Ukrainische Nation und zwei Konfessionen. Der Klerus und die ukrainische Frage 1861-1921 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2001. Bd. 49. H. 2. S. 240-256.

что литературный русский язык содержит для простого “малорусса” многое, “что он не в состоянии понять так, как это должно было бы понимать”. Президент не исключал возможности, что за прошедшие сорок лет степень владения литературным русским языком среди “малоруссов” возросла. Однако он тут же удовлетворенно ссылался на последнюю акцию Министерства земледелия по распространению среди украинского населения сельскохозяйственных знаний: популярные брошюры были напечатаны на украинском языке! Следовательно, по мнению министерства земледелия, русский язык не мог конкурировать с родным украинским.

Константин Константинович шаг за шагом приближался к кульминационному пункту своих рассуждений – к тезису, согласно которому украинское издание Святого Писания приведет к расколу русской православной церкви. В качестве опровержения им были представлены три аргумента. Во-первых, ни украинский, ни русский языки не претендуют на статус церковного языка, литургия и чтения отрывков из Святого Писания во время богослужений должны и дальше повсеместно вестись на церковнославянском. Во-вторых, украинский перевод Библии, проповеди и религиозные произведения на украинском языке могли бы оказать исключительно благотворное влияние на православные общины: “это вооружит местное духовенство могущественным оружием против штунды и других лжеучений, как известно, сильно распространяющихся в Южной России”.⁵⁷ В-третьих, разрешив перевод на территории Российской империи, можно было бы ослабить влияние Галиции, которое постоянно растет в образованных украинских кругах и выражается как раз в удовлетворении спроса на украинские книги, среди которых находится и запрещенный Синодом библейский перевод Кулиша.

Великий князь мастерски выстроил свою аргументацию против опасений церковного раскола: ссылка на церковнославянский язык, который, как и прежде, должен был оставаться связующим звеном всех православных христиан и противостоять партикуляристским стрем-

⁵⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5780. Л. 14. – “Штундистами” назывались приверженцы возникшего в середине XIX в. религиозного течения пиетистского толка, которые собирались на библейские часы (нем. Stunde, “час”, – *Прим. переводчика*). Штундизм распространялся, прежде всего, немецкими колонистами среди украинско- и русскоязычных крестьян. Рост числа штундистов в 1880-1890-х гг. в украинских епархиях воспринимался русской православной церковью как экзистенциальная угроза ее позициям в регионе.

лениям, служила утверждению общей идентичности и единства “малороссов” и “великорусов”. Подчеркивание “своего” было необходимо для более эффективного выделения “чужого”, маркировки общего внутреннего и внешнего врага. “Внутренним” врагом для “мало- и великорусского” православного клира являлись штундисты, а внешнюю угрозу представляла Галиция. Последняя оставалась для Святейшего Синода бельмом в глазу не только потому, что находилась вне сферы царской власти и юрисдикции русской православной церкви, но и потому, что именно в этой местности, относившейся издревле к Киевской Руси и принадлежавшей с точки зрения русофилов к сердцевине “Российской империи”, процветала церковь “еретиков”-униатов. “Ужасающая” картина воздействия греко-католической церкви на народное образование в среде галицийских украинцев, а также активная интеллектуальная жизнь в Галиции, притягивавшая образованных “малорусов” Российской империи, упоминались великим князем с одной целью – чтобы Святейший Синод поддержал украинский перевод Библии.⁵⁸

Свое обращение великий князь Константин Константинович завершал предложением: после того, как Святейший Синод поддержит публикацию украинского перевода Библии (мысль о том, что может “не поддержать” им не допускалась!), он – президент Академии – испросит у царя соответствующее распоряжение об окончательной отмене цензурных положений 1863 г.

В декабре 1904 г. Комитет министров во главе с С. Ю. Витте провел первое совещание по вопросу отмены запрета на издание книг на украинском языке. В феврале 1905 г. состоялось второе и заключительное обсуждение. Учреждения, консультировавшие правительство, решительно одобрили снятие всех запретов на украинскую печать, а Киевский и Харьковский университеты эксплицитно требовали разрешить перевод Библии.⁵⁹ Наряду с этим целый ряд земских и городских органов самоуправления в Днепроградской Украине, отдельные земские гласные и другие организации требовали восстановления свободы украинского печатного слова.⁶⁰ Давление было сильным еще и по-

⁵⁸ О роли греко-католической церкви в украинском национальном движении в Днепроградской Украине см.: Vulpius. Nationalisierung der Religion. Kap. IV und V.

⁵⁹ Отчеты комиссии и присланные в Комитет Министров ответы опубликованы большей частью в: Лотоцкий. Сторінки минулого. Т. 2. С. 365-377.

⁶⁰ Многочисленные земельные комитеты украинских губерний и сельскохозяйственный съезд 1901 г. в Москве требовали брошюры по сельскому хозяйству на “малорусском” языке: Об отмене стеснений // Лотоцкий. Сторінки минулого. Т. 2. С. 371.

тому, что слухи о готовящейся публикации Евангелий на украинском языке достигли Киева и вызвали первые всплески энтузиазма. В анонимной статье в газете “Киевские отклики” выражалась надежда, что близится день, когда наконец-то исполнятся столетние мечты миллионов украинцев и они прочтут и услышат учение Христа на родном языке.⁶¹

Если Святейший Синод хотел предотвратить публикацию украинской Библии, он должен был действовать быстро. 3 января 1905 г. обер-прокурор Синода представил на тайном совещании церковных иерархов свои соображения.⁶² Победоносцев высказался со всей решительностью против допущения труда Морачевского в России, и соответственно, против удовлетворения прошения Академии наук. В своей аргументации он сослался на мотивы решения Синода 1863 г.: перевод Библии на украинский язык нельзя оправдать потребностью “малорусского” народа, так как тамошнее население понимает одинаково хорошо церковнославянский и русский народный языки (как и “великорусь”). Кроме того, в основе желания иметь свой собственный перевод Библии на самом деле лежат сепаратистские устремления украинофилов, лелеющих надежду при помощи языкового отмежевания от России достичь первого шага в отделении “в жизни” и в конечном итоге – в национальности: “указанные соображения в настоящее время, при весьма тревожном положении общества, волнуемого политическими событиями, имеют силу и значение не меньшее, если только не большее, чем в прежние годы”.⁶³ Помимо того, как полагал Победоносцев, в марте и июне прошедшего года Синод уже отклонил аналогичные прошения Пулюя и Кулиша, и он не видит никаких оснований поступать в этом случае иначе.

Негативное отношение обер-прокурора спровоцировало открытую борьбу между украинофильскими и реформаторскими силами – с одной стороны, и русофильскими и консервативными силами – с другой. В начале февраля 1905 г. президент Академии наук и епископ Антоний (Вадковский) – петербургский митрополит и высокопоставленный член Синода, выступали на решающем заседании Комитета министров, где обсуждалась судьба библейского перевода Морачевского. Митрополит Антоний, подвергшийся к этому времени острой

⁶¹ Статья была опубликована в “Киевских откликах” и перепечатана в “Киевской старине”. 1905. № 7-8. С. 70-71.

⁶² РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5780. Л. 21 и след.

⁶³ Там же. Л. 21 об.

критике русофильских и консервативных кругов из-за своей готовности к компромиссу, был настроен более благожелательно, чем обер-прокурор Победоносцев. Решение Комитета министров еще раз продемонстрировало, что последнее слово в вопросах, относившихся к компетенции представителей церкви, принадлежало государственным органам. Как и в 1863 г., когда министр внутренних дел с согласия царя наложил запрет на издание перевода Библии еще до того, как Синод пришел к заключительному мнению, Комитет министров проигнорировал категорическое желание обер-прокурора и постановил на заседании 15 февраля 1905 г. отменить “ограничительные меры по изданию Св. Писания на малороссийском языке”.⁶⁴

Без сомнения, это был мужественный шаг председателя Комитета министров С. Ю. Витте. Незадолго до этого министр просвещения В. Г. Глазов высказался за сохранение запрета на украинские книги в тех областях, в которых могла возникнуть потенциальная угроза единству Российской империи: в школе, в суде, в управлении, и, прежде всего, в религиозно-церковной сфере.⁶⁵ Однако в тот момент реформаторский курс был определяющим в политике. После бойни перед Зимним дворцом, вошедшей в историю как “Кровавое воскресенье”, забастовки и демонстрации грозили парализовать всю страну. Накануне, 12 декабря 1904 г., царь отменил цензуру печати, и украинофилы получили мощный инструмент для мобилизации общественного мнения.

Несмотря на внешние условия, требовавшие уступок, обер-прокурор воспринял как личное оскорбление тот факт, что Комитет министров в своем заключении фактически полностью принял линию и дословно заимствовал аргументацию президента Академии наук. Во-первых, Комитет признал вслед за великим князем, что украинская Библия утратила свое символическое значение для сепаратистов, выступающих против единства “России”. Во-вторых, комитет министров присоединился к мнению президента Академии наук, согласно которому в “малорусском” народе ощущалась острая потребность в Святом Писании на родном *языке* (!). И, разумеется, обер-прокурор вряд ли мог уяснить из заключения Комитета министров, почему “опасения политического характера” в революционной обстановке весны 1905 г. потеряли “свою остроту”.⁶⁶

⁶⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 75. Д. 114. Витте. Воспоминания. Т. I. С. 330.

⁶⁵ Об отмене стеснений // Лотоцкий. Сторінки минулого. Т. 2. С. 381.

⁶⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 75. Д. 114. Л. 2.

Действительно, с русской, или русофильской, точки зрения в 1905 г. для политизации вопроса было не меньше оснований, чем в 1863 г. Именно в революционные 1904-1906 гг. оформились требования многих национальностей, в том числе украинцев, о расширении их прав, а в некоторых случаях – и о предоставлении автономии. Доступная для приобретения украинская Библия должна была упрочить чувство национальной идентичности, прежде всего, у проживающего в сельской местности и соблюдавшего религиозные традиции украиноязычного населения (несмотря на ослабевающее влияние официальной православной церкви). Решение Комитета министров было принято под давлением “улицы”, о чем, естественно, открыто не сообщалось. Подтверждение этому можно найти в тексте выступления Константина Константиновича перед Комитетом министров, согласно которому удовлетворение “законного” (!) стремления “малорусов” получить Библию на родном языке является крайне целесообразным “именно теперь, в тяжкое время, переживаемое нашею родиною”.⁶⁷

Насколько имперскому правительству было важно как можно быстрее увидеть свою уступку в действии и преодолеть сомнения Синода, демонстрирует финальное примечание о том, что нынешний момент – когда перевод Библии уже находится в Синоде – является “особенно подходящим” для представления заключения царю на утверждение.⁶⁸ По сути, в дуэли с Синодом верх одержал великий князь и президент Академии наук. Однако в реализации решения Комитет министров отводил Синоду важную функцию и наделял его большими полномочиями: в то время, как Академия, согласно поручению внука Морачевского, планировала самостоятельно издать перевод Библии, высший правительственный орган фактически передал право публикации верховному церковному управлению, обязав издателей испрашивать у Синода согласие на каждый тираж.

25 февраля 1905 г. Николай II выразил полное согласие с постановлением Комитета министров. В итоге, после более чем сорокалетней борьбы последовало законодательное разрешение на издание перевода Морачевского, и был, наконец, снят запрет 1863 г. Однако, с точки зрения украинофилов, успех был достигнут только наполовину: все еще оставалось условие обязательного синодального благословения

⁶⁷ Там же. К тому же в письме содержалась ссылка на 6 пункт царского манифеста 12 декабря 1904 г., который бы хорошо дополнило испрашиваемое благоволение.

⁶⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 75. Д. 114. Л. 3.

изданий Библии. Поэтому, с разных сторон предпринимались попытки усилить политический нажим на Святейший Синод. Различные прошения из Днепроградской Украины, поданные в Синод, свидетельствовали о том, насколько актуальной была потребность в издании украинской Библии среди населения.⁶⁹ Президент Академии использовал в одном из своих писем аналогичные прошения, поступившие на адрес его учреждения, лично сообщив Святейшему Синоду, что Комитет министров получил высочайшее соизволение на публикацию Библии, и он надеется, “что Святейший Синод не откажет в своем благоволении этому замечательному... переводу”.⁷⁰

Спустя неделю в Синоде заработал механизм принятия решения. 12 марта 1905 г. подольский епископ Парфений (Левицкий), известный своим украинофильством, получил от петербургского митрополита известие с просьбой дать заключение о *dignitas* и *normas* языка перевода Морачевского. Как и ожидалось, епископ Парфений дал в высшей степени положительный отзыв. В середине мая 1905 г. после того, как были рассмотрены аргументы президента Академии из его прошлогоднего выступления, а также опровергающие их доводы обер-прокурора из его январской речи, а также доклад епископа Парфения, Святейший Синод дал свое согласие на издание перевода Морачевского. Теперь на пути издания украинской Библии не осталось никаких препятствий, за исключением трех условий: редакция текста перевода сосредоточивалась в руках епископа Парфения, заказ на печать тиража получала московская синодальная типография, и на каждой странице должны были печататься параллельно украинский и церковнославянский тексты Евангелий.⁷¹

В то время, как последнее условие демонстрировало желание подчеркнуть связь с ортодоксальным сакральным сообществом, первое принесло Синоду больше ущерба, чем пользы. Для редактирования украинской Библии, ставшего почетным делом, был выбран не случайный священник, а человек, исповедовавший украинофильские воззрения и представлявший исключение среди церковных иерархов. С момента своего назначения в подольскую епархию Парфений энер-

⁶⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5780. Лл. 22 и след., Лл. 24-33 об., Л. 36 и след. В Синод и Академию поступали ходатайства как от крестьян, так и от представителей интеллигенции из украиноязычных регионов.

⁷⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5780. Л. 36. Письмо датировано 5 марта 1905 г.

⁷¹ Резолюция 10 мая 1905 г. была официально введена в действие 19 мая: Там же. Л. 46.

гично включился в украинское национальное движение. При этом он не только не лишился (по меньшей мере – в краткосрочной перспективе) доверия Синода, не усомнившегося в его лояльности “великорусской” православной церкви, но даже получил возможность легализовать и укрепить сеть украинофильски настроенных священников в официальных структурах, действовавшую до сих пор в серой зоне.⁷² Созданная по распоряжению епископа Парфения в апреле 1905 г. комиссия состояла, за одним единственным исключением, из местных подольцев – тех, кто вместе с епископом еще в 1904 г. добились введения обучения на украинском языке в духовных школах Подольской епархии.⁷³ Используя благоприятную ситуацию, они сумели отвоевать у Святейшего Синода разрешение на изучение “малорусской литературы” и “истории Подолии и Украины” как обязательных предметов в последних двух классах Подольской духовной семинарии.⁷⁴ Назначение епископа Парфения ответственным за редакцию первой украинской Библии в целом укрепило самосознание украинофильских кругов внутри духовенства, выполнявшего важную роль распространителей национальных движений.⁷⁵

Происхождение Парфения, который родился и вырос на Полтавщине – в регионе, где на тот момент была наибольшая концентрация украиноговорящего населения – заметно отразилось на редакции перевода Морачевского. Писательница-этнограф Олена Пчилка⁷⁶ отмечала в своей рецензии после выхода первого тиража Евангелия от Матфея, что его язык имеет явный восточно-украинский оттенок и превращает текст в “совершенно полтавский перевод”.⁷⁷ Поскольку

⁷² Об изменении настроений и необычайном подъеме украинофильского движения сообщает в своих воспоминаниях Виктор Приходько: В. Приходько. “Під сонцем Поділля”. Спогады. München, 1948. С. 130 и след.

⁷³ Лотоцкий. Сторінки минулого. 1932. Т. 1. С. 238-239; А. Л. Зінченко. Благовістя національного духу. Українська церква на Поділлі в першій третині ХХ століття. Київ, 1993. С. 33.

⁷⁴ 13 августа 1907 г. Синод дал разрешение на совместную акцию “Просвितы”, комиссии Парфения и подольского духовенства: РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 70. Л. 5.

⁷⁵ Анализ многочисленных национальных движений в Европе показывает, что духовенству практически повсеместно принадлежала одна из ведущих ролей в процессе пробуждения национального сознания в массах. Это особенно касается регионов, сохранивших в эпоху модерна аграрный характер.

⁷⁶ Олена Пчилка (1849-1930) – сестра ученого и активиста украинского национального движения Михайло Драгоманова (1841-1895) и мать известной украинской поэтессы и драматурга Леси Украинки (1871-1913).

⁷⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5780. Л. 64 об.

конкурентом современного восточно-украинского языка являлось западно-украинское наречие, распространенное в Галиции, то чисто лингвистический, на первый взгляд, вопрос приобретал политическое звучание. Особо политизированными оказались вопросы орфографии, непосредственно отражавшие идентичность руссофилов и украинофилов в Галиции и Днепровской Украине. В Галиции уже с середины XIX в. характер написания выдавал приверженность автора той или иной идентичности. Здесь сталкивалось представление украинофилов о необходимости органичного развития разговорного языка и приведения в соответствие с ним фонетики письменного языка с желанием руссофилов добиться синтеза украинского и русского языков или же полной ассимиляции украинского языка русским. Для руссофилов, отстаивавших “этимологическую орфографию”, было важно передать информацию об истории языка, чтобы подчеркнуть восточнославянские параллели. Кроме того, существовали опасения, что фонетический тип письма создаст орфографическую границу между русским и украинским языками.⁷⁸ Эмский указ 1876 г. запрещал использование в Днепровской Украине принятого там алфавита – так называемой “старой Кулишовки”, введенной Пантелеймоном Кулишом в 1860-х гг. В ней русское “ы” заменялось на “и”, а вместо “и” писалось “і”. Эмский указ Александра II предписывал, чтобы в дальнейшем при печати разрешенных к изданию “малорусских” книг – песен, сказок и пословиц – использовалась исключительно русская орфография.⁷⁹

Комиссии Парфения и в этом остром политическом вопросе удалось отстоять украинофильскую точку зрения: было решено печатать Евангелие по оригиналу рукописи Морачевского, то есть на “старой Кулишовке”. В начале осени 1905 г., когда до Парфения дошли слухи о том, что правительство готово пойти навстречу украинской стороне в вопросе об алфавите, в московскую синодальную типографию был передан текст Евангелия от Матфея на “старой Кулишовке”. После этого, в конце сентября, Парфений решил ходатайствовать в Синоде о разрешении послать перевод Морачевского в Академию наук для разъяснения орфографических и филологических вопросов. Речь шла

⁷⁸ Anna Veronika Wendland. Die Rückkehr der Russophilen in die ukrainische Geschichte: Neue Aspekte der ukrainischen Nationsbildung in Galizien, 1848-1914 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2001. Bd. 49. H.2. S. 178-199, здесь S. 184.

⁷⁹ Выводы Особого совещания для пресечения украинофильской пропаганды после исправления в соответствии с замечаниями, сделанными Александром II 18 мая в г. Эмс. Опубликовано: Миллер. “Украинский вопрос”. С. 242-244, здесь С. 242.

не о простой либерализации правописания: Парфений стремился к тому, чтобы издание Библии заложило орфографический стандарт будущих публикаций на украинском языке и потому искал поддержки у “компетентного учреждения”.⁸⁰

до сих пор не было двух малорусских книг, которые бы напечатаны были бы одинаковыми орфографическими знаками... Орфография Евангелия должна стать образцом.⁸¹

Синод выразил свое согласие. К большому раздражению Победоносцева и несмотря на все его старания, Академия наук приняла участие в издании украинских Евангелий. Обер-прокурор пытался предостеречь епископа Парфения от “великой опасности”, если к делу будет подключена Академия, которая, по всей вероятности, попытается взять всю редакционную работу в свои руки и самостоятельно издать Евангелия.⁸² Однако предупреждения обер-прокурора не произвели на Парфения никакого впечатления. Слишком очевидными были подлинные причины возражений Победоносцева: в ситуации, когда предотвратить публикацию было невозможно, он старался оставить в переводе как можно больше языковых неточностей, чтобы продемонстрировать, что украинский язык принципиально не пригоден для передачи возвышенного содержания Святого Писания. Обер-прокурор Синода питал надежду, что таким образом ему удастся постфактум поставить под вопрос издание украинской Библии в целом.

В свою очередь, привлечение Академии наук к редактированию украинской Библии было воспринято ее руководством и сотрудниками с большим удовлетворением. В короткие сроки была создана специальная комиссия, которая пришла к заключению, что благодаря новым свободам в Российской империи следует ожидать распространения фонетической графики в украинском языке, официально введенной украинофилами в Галиции при поддержке властей Габсбургской монархии еще в середине 1890-х гг. Используя новую орфографию, которая получила название “новой Кулишовки”, комиссия отредактировала перевод Евангелий и добавила распространенную в Галиции

⁸⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5780. Лл. 56 и след.

⁸¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1184. Оп. 3. Ч. 3 Д. 15. Л. 22. Здесь цитируется по: А. Стародуб. Выдання українського перекладу Евангелія (1905-1912) (за матеріалами архіву Московської Синодальної друкарні) // Проблеми історії України ХІХ - поч. ХХ століття. Т. 6. Київ, 2003. С. 319-344, сноска 30.

⁸² Стародуб. Выдання. Сноски 32 и 34.

“чисто украинскую” букву “ї”. Кроме того, комиссия ориентировалась на издания львовского Научного общества имени Т. Шевченко (*Наукове Товариство імені Т. Шевченко*) и галицийские школьные учебники. В очередной раз проявилась тесная связь процессов в Западной и Восточной Украине, несмотря на государственные границы, разделявшие их.

Однако в конце декабря, когда работа по редактированию текста на базе “новой Кулишовки” была закончена, появились отдельные украинские периодические издания, редакторы которых использовали “старую Кулишовку” без “ї”. Проверка сложных языковых правил, определявших использование “ї”, вынудила членов академической комиссии отказаться от изначального решения, и текст Евангелия был набран с использованием “упрощенной новой Кулишовки” – то есть без буквы “ї”.⁸³ Причины этого заключались, прежде всего, в опасении, что перевод Библии потеряет свой установочный характер для письменного украинского языка, ибо большинство украинских публикаций ориентировалось на другую орфографию.⁸⁴ Все это еще раз демонстрирует, какое значение отводилось Библии в начале XX в. в процессе стандартизации языка. Участие Академии наук, с которым оберпрокурор Синода был вынужден, в итоге, согласиться, только подчеркивает сказанное. Из-за орфографических дискуссий публикация украинской Библии несколько затянулась. Первое Евангелие на украинском языке (Евангелие от Матфея) увидело свет в июне 1906 г.⁸⁵ Оно было раскуплено моментально и уже в течение первых восьми месяцев выдержало четыре переиздания.⁸⁶ В украинофильских кругах царил огромное воодушевление:

Недавно то время, когда высказываться в печати в защиту необходимости перевода Св. Писания на украинский язык было возможно только на страницах так называемых “крайних” изданий.

⁸³ Подолия. 1906. №. 141. 25 июня. С. 2.

⁸⁴ Об острых лингвистических дискуссиях в конце XIX – начале XX в. в Украине см.: P. N. Wexler. *Purism and Language: A Study in Modern Ukrainian and Belorussian Nationalism (1840-1967)*. Bloomington, 1974. Pp. 39-78.

⁸⁵ Украинская газета *Рідний край* иронизировала по поводу времени, которое тратилось на проверку и редактирование отдельных глав Евангелия от Матфея: “Если это дело и дальше будет продвигаться такими темпами, то только наши дети или наши внуки получат возможность прочесть Святое Писание на родном языке”: *Рідний край*. 1906. №. 4 (обзор “З життя на Україні”).

⁸⁶ О продажах украинской Библии см.: Стародуб. Видання. С. 322 и след., конкретно о цене книг – сноски 79 и 80.

Года три-четыре назад иные редакции из чувства благожелательства к своим сотрудникам статьи в пользу украинского перевода Св. Библии печатали без авторских подписей и действительно таким образом спасали их от крупных неприятностей. В чем только ни обвиняли, как только ни издевались над защитниками этой невинной, святой идеи! Подозрения в политической неблагонадежности, высмеивания родного языка, карикатуры на перевод, вроде “дивко смийся”, лукавые попреки в молчании по этому вопросу пастырей и простого народа – все это сыпалось на них со стороны сильных и несильных мира сего, не дававших себе труда самостоятельно и трезво отнестись к мыслям, подпавшим опале.

Но это время, слава Богу, прошло. Нужда в украинской Библии теперь не только уже признана, но и получила формальное право на свое удовлетворение. Прекращено гонение на украинский язык, и не возбраняется уже церкви то, что давно лежало на совести ее представителей... Факт появления украинского перевода Св. Евангелия глубоко для нас утешителен.⁸⁷

Однако автор этой заметки, А. Гриневич, ошибся в своих прогнозах: гонения на украинский язык, несмотря на признание за ним статуса литературного языка, не прекращались. С постепенным поворотом в сторону реакционной политики российские власти вернулись к дореволюционным запретительным практикам: епископ Парфений был переведен в виде наказания в другую епархию, религиозные тексты на украинском языке снова запрещались со ссылками на старые аргументы, согласно которым украинскому языку не хватало необходимого достоинства (*dignitas*).⁸⁸

Заключение

Позиция российских властей в 1904-1906 гг. в украинском вопросе может быть охарактеризована как фаза чрезвычайной толерантности и невиданного доселе размаха украинофильских взглядов. Однако за

⁸⁷ А. Гриневич. По поводу выхода в свет украинского перевода Св. Евангелия от Матфея // Православная Подолия. 1907. №. 1-2. С. 2-6, здесь 2-3.

⁸⁸ Епископу Платону Амутскому удалось добиться от Святейшего Синода в 1909 г. запрета на издание Книги Деяний Апостолов в переводе Морачевского. При этом он ссылался на невозможность использовать украинский язык в сочинениях религиозного содержания. К тому же, как полагал епископ Платон, “малоруссы” достаточно хорошо понимают русский язык: РГИА. Ф. 796. Оп. 190. Ч. 2. Д. 40. Лл. 2 и след.

этот короткий период не удалось полностью вытеснить ни в обществе, ни в кругах духовенства старые русофильские концепты и образы мыслей. Более того, оглядываясь на это время, задаешься вопросом: как вообще стал возможным этот поразительный прорыв украинской Библии? Этот вопрос тесно связан с основной проблематикой этой статьи: что позволило “малорусскому” языку превратиться в конкурирующий с русским литературный язык – была ли это сила украинского, или украинофильского общества, или слабость российского государства? Если взглянуть на этот вопрос через призму рассказанной истории издания украинской Библии, то решающую роль придется разделить между украинофильскими силами и государством, шедшим на уступки. Хотя уступки правительства стали возможными только с ростом общей социально-политической напряженности в империи, украинофильские силы создали тот необходимый фундамент, позволивший им в решающий момент отстоять свои интересы.

Очевидно, что невозможно ответить на поставленный вопрос, исходя только из одной перспективы. Ведущая роль Императорской Академии наук в деле издания украинской Библии, чьи интересы в тот момент совпали с интересами украинофилов, а также примирительная позиция либерального министра Святополк-Мирского, а с другой стороны – действия Святейшего Синода, обнаруживают существенный недостаток имперского правительства в последнее десятилетие его существования: отсутствие взаимодействия и координации между имперскими властными институтами.⁸⁹ Разумеется, действия Академии наук оказались бы безрезультатными, если бы среди высокопоставленных церковных иерархов украинских епархий и представителей светской интеллигенции не нашлось людей, которые смогли активно отстаивать интересы украинского литературного языка.

После издания в 1906 г. Евангелий епископу Парфению удалось добиться использования украинского языка внутри русской православной церкви: в 1907 г. в епархиальном центре – Каменец-Подольске, во время пасхальной литургии он заменил церковнославянский текст Евангелия от Иоанна на украинский. Его примеру моментально последовали священники епархии, и вскоре украинские библейские тексты заняли прочное место в проповедях сельских священников.⁹⁰ Таким образом, с

⁸⁹ Ср.: Миллер. “Украинский вопрос”, особенно главы 7 и 13.

⁹⁰ О возрождении проповедей на украинском языке и публикации двух собраний таких проповедей см.: Приходько. “Під сонцем Поділля”. С. 139; В. Харба. На злій ниві Поділля. Подільська духовна семінарія на службі нації, 1797-1919.

изданием Библии стало возможным постепенное распространение украинского языка, несмотря на широкую неграмотность крестьянского населения. По замыслу украинских националистов публикация Библии могла привести к тому, что “встанет оно, это украинское слово, из заброшенности и пренебрежения даже перед теми, кто до сих пор не верил его достоинству и богатствам”.⁹¹ Александр Лотоцкий, будущий министр исповеданий в правительстве гетмана Павла Скоропадского, усматривал в публикации Евангелия от Матфея начало новой эпохи: “Эта книжка составляет эпоху в нашей литературе и в национализации нашего края. Пока у народа нет священного писания на родном языке, его национальное самосознание не может утвердиться”.⁹²

Выход украинской Библии спровоцировал раскол внутри доминируемого русскими восточнославянского сакрального сообщества, ведущего свое существование со времен Киевской Руси. Именно этого раскола так долго опасалась русская православная церковь. Церковнославянский язык, игравший роль скрепы упомянутого сообщества, был потеснен секулярным языком недоминантного этноса. Значение этого процесса выходило далеко за рамки религиозной сферы. В частности, издание украинской Библии служило референтным пунктом в позднейших дискуссиях в Государственной думе по вопросу о допуске преподавания в начальных школах на украинском языке (как и на других языках Российской империи).⁹³

Запрет украинской Библии в середине XIX в. означивал начало жесткой языковой политики имперского центра, а его отмена в начале XX в. в значительной степени способствовала тому, что украинское национальное движение вышло из-под контроля. История украинской Библии как нельзя нагляднее демонстрирует значение языка для эмансипации недоминантных этносов. Одновременно было бы ошибочно рассматривать политику в отношении украинского языка только по оси

Исторична монографія та спогади сучасників. Clifton, 1970. С. 65. Большинство приходских священников использовали украинские библейские тексты в беседах о катехизисе со взрослыми и детьми: Подолия. 1908. № 76. 27 июня. С. 3; Подолия. 1907. № 91. 27 апреля. С. 3.

⁹¹ Цитата из уже упоминавшейся рецензии Олены Пчилки на Евангелие от Матфея: РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5780. Л. 68 об.

⁹² Камянець-Подільський міський державний архів. Ф. 3333. Оп. 1. Спр. 18. Арк. 51. Здесь цитируется по: Стародуб. Видання. Сноска 6.

⁹³ Речь члена Государственной Думы священника М. Сендерко 12 ноября по вопросу о допущении украинского языка в низших школах по законопроекту о начальном образовании // Подолия. 1910. № 145. 5 декабря. С. 3.

“центр-периферия”. Как показывает аргументация Анненкова, Валуева и Победоносцева, адекватно понять политику форсированной русификации царского правительства и руководства православной церкви можно только в том случае, если рассматривать ее на фоне проекта “большой русской нации”. Этот проект, разворачивавшийся на разных уровнях и заслуживающий отдельного исследования, демонстрирует, что русско-украинские отношения должны рассматриваться как особый случай, как история двух взаимоисключающих национальных проектов *в рамках* Российской империи.

SUMMARY

Success or failure of Ukrainian nation-building within the Russian Empire largely depended on whether Ukrainians and Ukrainophiles would succeed in developing Ukrainian as a standard language, whereas Russians and Russophiles would try to hinder it. A central issue was the question whether the printing of a bible in Ukrainian could be the next step after the translation of the holy scripture into Russian. This contribution is the first to show the entire competition of the forces struggling for and against the printing of a Ukrainian bible translation – a conflict that lasted half a century. It becomes evident that the society’s general tensions within the Russian Empire forced the government to give way in 1904; however, Ukrainophile forces had laid the foundations for the breakthrough before.

The ban on the Ukrainian bible in mid 19th century started the rigid imperial politics of language, its cancellation decisively helped the development of the Ukrainian national movement. The story of the Ukrainian bible translation underlines more than anything else the significance of language for the emancipation of non-dominant ethnies. At the same time however, it is pleaded not to classify forced russification of the late tsarist government and church administration towards the Ukrainian speaking population directly as “Imperial History”. Rather, it should be seen against the background of the project of the Great-Russian-Nation. The imperial viewpoint played a role for Russians and Russophiles in so far as they feared a Polish-Ukrainian interaction, in particular after the uprising in January 1863; the behaviour of the imperial centre towards other nationalities also served as important reference for Ukrainophiles in order to demand a bible in mother tongue for the Ukrainian speaking population as well. However, the project of the Great-Russian-Nation shows clearly that Russian-Ukrainian relations have to be seen as a special relationship, as the history of two mutual exclusive projects of nation-building *within the framework* of the Russian empire.